

Наследник Полубеса

МАСТЕР

Едва ли не в каждой книге о Ярославле можно встретить фразу: «Город имеет неповторимый облик». Именно этот его «неповторимый облик» вызывает у нас чувство гордости, привлекает туристов и дает надежду на то, что туризм рано или поздно будет приносить долгожданную прибавку в городской бюджет. Из чего же складывается «неповторимый облик города» и как его поддерживать, чтобы не потерять?

Яркая черта архитектурной индивидуальности Ярославля – использование в строительстве изразцов. Впервые они появились на храме Рождества Христова. Купцы Назарьевы, заказчики церкви, подглядели их во время своих поездок на Восток, а привезли, вероятно, из Москвы.

Вскоре ярославские мастера на все руки освоили их изготовление сами, и храмы заиграли поливными желто-зелеными узорами. Без изразцов была уже и церковь не церковь. Промысел этот тогда прославил Ярославль – красота и качество наших изразцов были известны по всей России. Фасады церкви Иоанна Златоуста, наличники окон Иоанна Предтечи – непревзойденные шедевры местных мастеров.

В гражданских постройках изразцы были незаменимы для устройства печи – души каждого дома. На украшение «души» хозяева средств не жалели. И пришли в дома не изразцы – сказки, причем порой в буквальном смысле слова. Иногда в их рисунках были изложены поучительные или веселые рассказы, а печь становилась не только красивой, но и интересной.

После революции традиционный промысел совсем захирел – храмы закрывали, куда уж там изразцам. Ушли последние мастера, забрав с собой в иной мир и все секреты их изготовления. Вспомнили о них только тогда, когда встала на ноги ярославская реставрация. Храмы, которые в атеистическом азарте не успели разрушить – уж больно много их было в городе, – стали памятниками архитектуры. Власти увидели, что церкви-то и составляют тот самый «неповторимый облик», и начали спасать от разрушения.

Технику изготовления изразцов надо было открывать заново. Теория – полдела. В усвоении ремесла сжигаются десятки лет жизни. И только в награду за упорство и верность делу в руки приходит мастерство. Каждый Мастер обязательно проходит этот путь, у каждого он свой.

Евгений Тарабин пришел в реставрацию в 1985 году. Мечтал заниматься восстановле-

нием живописных полотен еще в годы учебы в художественном училище, но жизнь предложила другой вариант. «Иди-ка учеником к Егорову, в керамику», – предложил ему директор треста «Ярреставрация» Виктор Данилович Шаульский.

Хотя о керамике Евгений имел смутное представление, согласился. Пришел к человеку, который терпеть не мог слова «ученик»: слишком занят был более важными делами. Егоров жил в мастерской, про старые изразцы он уже знал все, умел сделать не хуже, но продолжал постижение тайн старинного ремесла. Сейчас на философский вопрос, что же так завораживает человека, заставляет работать, не отпуская, Тарабин отвечает шуткой: «Это как в болото попасть. Провалился – и засосало». Вот туда же «провалился» 20 лет назад и сам Евгений:

– В принципе Виктор Данилович и не учил ничему. Я смотрел, как он работает, он давал мне задания – больше и больше. Он копал очень глубоко, к каждой работе относился неформально, узнавал все, даже откуда везли глину на изразцы. Ему все было интересно. Потом он заболел и пропал на полгода, а мне пришлось делать большой заказ на церковь Иоанна Златоуста. Как-то его привезли на работу, он увидел сделанное мною. Я сидел как раз с двумя изразцами – его и своим. Шаульский посмотрел, сказал: «Ты тут немного ошибся» – и указал на свой изразец.

Уже тогда начинающего мастера удивляло: делали большие заказы для Азербайджана, везли изразцы в Москву, а для Ярославля – ничего. С фотоаппаратом излезил все храмы. Сохранность изразцов была плохая. Трудно было понять: не такая уж это дорогая работа – восстановление изразцового покрытия, а обновленный памятник выглядит совсем иначе. Но гораздо большее удивление вызвали у него другие зигзаги реставрации.

– В конце 80-х мы с Егоровым получили огромный заказ на церковь Иоанна Предтечи, – рассказывает Тарабин. – Выполнили. Несколько лет изразцы лежали в мастерской. Потом их увезли в церковь, но по-

Фото Сергея МЕТЕЛИЦЫ.

чему-то ни один так и не был поставлен. Заплатили деньги за работу – и не установили. Непонятно. Ведь это нам делать долго, а установить – для нескольких человек вопрос одного дня. Такая же история с церковью Иоанна Златоуста. Там был заказ на восстановление изразцового окна – красивого, редкого. В 90-х годах сделал – только поставь. Не поставили. В 1992 – 1993 годах изготовил огромные изразцы для Николы Мокрого – не поставили. Работали архитекторы, рабочие снимали старые, сделал копии, всем заплатили деньги – не поставили. Невозможно понять, что происходит.

Окно для Иоанна Златоуста было тогда последней работой Тарабина. Заказов становилось все меньше: перестройке, как и революции, изразцы совсем не требовались. Однажды уехал в Москву восстанавливать только что переданный Церкви Андреевский монастырь. Монахов еще не было, Евгений жил там один в большой келье. Сделал из нее мастерскую. Из окон – Кремль, внутри – полная разруха. А его

не покидало ощущение – вот повезло!

Наверное, нормальному человеку трудно понять, как можно жить на развалинах да еще ощущать себя счастливым. Все дело в том, что до Тарабина храм украсил своими изразцами Степан Полубес. Это был мастер уровня Андрея Рублева. Фамилия его была Иванов, а Полубес – прозвище: промысел с огнем связан, поэтому много в нем разных тайн, которые в народе связывали с потусторонними силами. Держать в руках изразец настоящего мастера – ощущение ни с чем не сравнимое. Чтобы войти в цвет, фактуру, надо полностью погрузиться в ощущения от образца, пропустить все через себя, и только тогда настанет миг подлинного творчества, пойдет изразец. И кого в нем больше – Тарабина или Полубеса, – уже и не скажешь.

Есть еще одна черта, отличающая настоящего мастера от простого ремесленника. Он не может сделать плохо.

На самом последнем этапе работы в монастыре произошла такая история. В ноябре в Анд-

реевский монастырь должен был приехать патриарх Алексей II. Решили поставить изразцы в конце октября, к его приезду. Делать этого было нельзя – их ставят только весной, чтобы за лето «окрепли» и спокойно вошли в зиму. Но на это решение повлиять было невозможно. Утром изразцы замачивали, ночью – мороз. Поставили на цемент, что тоже недопустимо. Патриарху, далекому от технологических вопросов, очень понравилось. В знак признательности Евгения даже позвали попить чаю с Алексием II. А дальше – как и следовало ожидать. Простояв зиму, изразцы треснули. Огорченный наследник Полубеса снял их полностью, сделал новые и поставил как надо – весной, теперь уже на века.

– Плохо делать работу на показ, – говорит Тарабин. – Сейчас очень много работ к датам. Как раньше к 7 ноября делали. Если поддаваться этому – себя потеряешь. Нужно четко знать задачи и делать свое как надо – только это правильно.

И еще одна особенность, характерная для Мастера: не может он надолго оставлять

родные места. Евгений Тарабин вернулся в Ярославль. Уже здесь выполнил огромный заказ – 3200 изразцов к 1000-летию Казани. Сейчас восстанавливает изразцовые печи в усадьбе Некрасова. Заказов на восстановление изразцового покрытия храмов как не было, так и нет. За десять лет его отсутствия все так и осталось. Впрочем, кое-что изменилось.

– Сейчас утраты на фасадах храмов просто штукатурят, а по штукатурке рисуют кладку, – говорит Евгений. – Такие фрагменты «реставрации» я видел на церкви Иоанна Златоуста, на церкви Богоявления. Если все будет «скорей-скорей», то обязательно найдутся те, кто сделает что угодно.

В последние годы во многих сферах нашей жизни появилась опасная тенденция – отказ от профессионалов. Причины тому есть. Человеку с именем, знающему свое дело, надо платить нормальные деньги, которые соответствуют уровню его мастерства. Владельцы частных фирм, организаций, газет, телеканалов делать это не очень любят. Поэтому мы имеем заикающихся, полуграмотных тележурналистов. Поэтому мы читаем в книгах, выпущенных недавно одним областным издательством: «Поехал в город Москва», «Обозреть город можно с колокольни». Поэтому и любой нынешней реставрации хватает на полгода.

Профессионал имеет собственное мнение и придерживается своих, выработанных годами правил ремесла. К сожалению, они не всегда совпадают с представлениями заказчика о том, как надо и как не надо делать. Строители из дружественной Турции в Москве за изразцы выдали крашенный гипс. Работу приняли, но несколько месяцев спустя «изразцы» раскрошились. Единственная рабочая мотивация этих строителей – быстро получить деньги.

Ярославские мастера строили по-другому, на века. В поисках совершенной технологии «сжигали» у печей десятки лет своей жизни, а иногда и саму жизнь – уж больно бесполезное для здоровья это занятие. Один из последних носителей традиционного ярославского мастерства изготовления изразцов – Евгений Тарабин. Из его рук выходят сказочно красивые, «правильные» ярославские изразцы – тайны огненно-горячего ремесла ему покорились. Но почему-то его мастерство так и остается невосстановленным в главном – в реставрации наших храмов, в поддержании того самого «неповторимого облика» Ярославля.

Марина ШИМАНСКАЯ.